

0714966 - 1

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

СИНИЦЫН Олег Владимирович

**НЕОКАНТИАНСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ
И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

*Специальность 07.00.09- историография, источниковедение
и методы исторического исследования*

А в т о р е ф е р а т
диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань - 2000

**НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ**

0000947773

Работа выполнена на кафедре
новой и новейшей истории
Казанского государственного университета.

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор И.И. ШАРИФЖАНОВ

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор	Н.И. СМОЛЕНСКИЙ
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник	А.П. ЦАМУТАЛИ
доктор исторических наук, профессор	А.А. САЛЬНИКОВА

Ведущая организация:

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Защита состоится «20» апреля 2000 г. в 10 часов
на заседании диссертационного Совета Д.053.29.06 по присвое-
нию ученой степени доктора исторических наук при Казанском
государственном университете по адресу: 420008, г. Казань,
ул. Кремлевская, 18, корпус 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной
библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственно-
го университета.

Автореферат разослан «9» марта 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета кандидат исторических наук,

доцент Р.Г. Кашафутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования обусловливается необходимостью изучения развития мировой исторической науки во всей ее сложности и противоречивости, обобщения опыта национальных историографий, их вклада в формирование и прогресс научного знания.

Поступательное развитие исторической науки неразрывно связано с разработкой ее теоретико-методологических основ. Отечественная историография имеет глубокие традиции в разработке методологических проблем исторического познания восходящие к концу XIX – началу XX вв., к периоду становления методологии истории как специальной научной дисциплины. В этой связи анализ методологических концепций, выдвинутых в российской историографии на рубеже XIX – XX столетий может способствовать выяснению общих тенденций развития исторических знаний и специфических особенностей исторической мысли в России¹.

В конце XIX – начале XX вв. развитие исторической мысли в России было связано с постановкой и активным обсуждением важнейших методологических вопросов исторической науки: своеобразие ее предмета, методов и принципов, границ и объективности исторического знания, возможности и целесо-

¹ См., например: Могильницкий Б.Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3; Смоленский Н.И. О разработке теоретических проблем исторической науки // Новая и новейшая история. 1993. № 3; Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4; Вандалковская М.Г. О традициях дореволюционной науки // Россия в XX веке. М., 1996; Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX – XX веков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1/99. М., 1999 и др.

ния в российской исторической мысли, позволит определить тенденции развития отдельных течений и направлений в историографии, характер их эволюции.

Научно-актуальная сама по себе в историографическом и науковедческом планах² указанная тема приобретает особое значение и в свете возрождения ряда неокантианских традиций в новейшей зарубежной исторической мысли³. Например, так называемая "социо-историческая концепция" современной западной историко-теоретической мысли по своему содержанию во многом, по нашему мнению, совпадает с методологической концепцией российского неокантианства⁴, что также актуализирует историографический анализ эволюции теоретико-методологических основ неокантианской философии в отечественной исторической мысли.

Цель, задачи и предмет исследования. Цель работы – определить концептуальное значение неокантианской парадиг-

² См. об этом, например: Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 70; Искендеров А.А. Указ. соч. С. 11.

³ См.: Афанасьев Ю.Н. Вчера и сегодня французской "новой исторической науки" // Вопросы истории. 1984. № 8; Мучник В.М. Об антиисциентистских тенденциях в западной историко-теоретической мысли 70-80-х гг. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 19. Томск, 1990. С. 33–59; Смоленский Н.И. Проблема исторических понятий в современной буржуазной историографии ФРГ // Новая и новейшая история. 1978. № 6; Патрушев А.И. Традиции "немецкого историзма" в буржуазной историографии ФРГ // Вопросы истории. 1981. № 3; Шарифжанов И.И. Современная английская буржуазная историография: "новые пути" в теории и методологии истории // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 18. Томск, 1986. С. 50–70.

⁴ См.: Синицын О.В. Неокантианство в современной зарубежной историографии // *Clio Moderna* Зарубежная история и историография. Казань, 1999.

мы методологии истории в развитии отечественной историографии в конце XIX – начале XX вв.

Для достижения общей цели ставятся конкретные исследовательские задачи:

- выявить системообразующие элементы неокантианской методологии истории;

- воссоздать процесс возникновения неокантианского течения в российской философско-исторической мысли;

- определить степень распространения неокантианских идей в российской историографии;

- раскрыть отличительные особенности теоретико-методологических взглядов российских сторонников неокантианства;

- проанализировать дискуссии по проблемам неокантианской методологии истории в отечественной историографии 1920-х гг.;

- определить характер влияния неокантианской методологии истории на конкретно-историческую практику отечественных ученых.

Неокантианское учение с момента своего зарождения сразу же приобрело четко выраженную гносеологическую окраску, что явилось одним из характернейших примеров реализации философской традиции.

В условиях кризиса онтологически ориентированного классического позитивизма, неокантианство предложило свой оригинальный подход к анализу философско-методологических предпосылок исторического познания. Отсюда и антипозитивистская реакция в европейской философии, и начавшееся по-неокантиански "переворужение" науки, которое приобрело методологическую направленность.

В качестве предмета диссертационного исследования выделены труды российских неокантианцев: историков, филосо-

фов, социологов, правоведов по теоретико-методологическим проблемам истории и исторического познания. Конкретно-исторические работы историков-неокантианцев привлекались главным образом с целью всестороннего осмысления эволюции идейно-методологических взглядов отечественных мыслителей, выявления характера воздействия методологических воззрений на практику их конкретно-исторических исследований.

Хронологические рамки исследования — конец XIX — начало XX вв. — период зарождения, становления и развития неокантианского течения в западно-европейской и российской исторической мысли.

Возникновение неокантианского движения в России датируется в диссертации рубежом XIX — XX вв. В первое десятилетие XX века происходит становление неокантианского течения в отечественном гуманитарном знании, одной из ключевых дат в котором был 1904 г. — столетняя годовщина со дня смерти И. Канта.

На второе десятилетие XX в. приходится своеобразный пик в развитии российского неокантианства, когда оно встало в центр общеметодологических и общетеоретических дискуссий российских историков и философов и заняло в них главенствующее положение. В 1920-е годы наблюдается спад воздействия неокантианской методологии на историческую мысль, завершившийся концом 1920-х годов, когда существование неокантианского течения внутри отечественной историографии (как и в целом немарксистской исторической мысли) прекращается. Таким образом, указанные хронологические рамки охватывают все этапы сложной и противоречивой эволюции неокантианского течения в отечественной исторической мысли.

Методология исследования. В основу анализа неокантианского течения в российской науке положены принципы историзма (рассматривать любое историографическое явление с

точки зрения возникновения, развития, соотношения с другими явлениями и дальнейшей судьбы); объективности, требующей анализировать то, что имманентно присуще исследуемому течению исторической мысли, взглядам историков и их концепциям, что вызвало необходимость попытаться понять неокантианскую теорию "изнутри", что в свою очередь потребовало своеобразного постраничного "следования" за аргументацией историков-неокантианцев для задачи последующего анализа их методологической точки зрения; ценностного подхода, который ориентирует на выявление тех идей, положений и представлений в истории исторической мысли, которые имеют значение для современной исторической науки.

Эти принципы обусловили методы данного исследования, важнейшим из которых стал диалектический подход к изучению истории исторической науки, основывающейся на раскрытии единства и противоречивости процесса ее развития, связанного с тем, что ведущими компонентами исторической науки являются теория и методология исторического познания, а они оказывают воздействие на другие компоненты и характер их взаимосвязи. Поступательное движение науки состоит в постановке и выработке методологических концепций, которые отражают реальный исторический процесс на данном уровне развития исторической науки.

Стремление автора выявить специфику и своеобразие неокантианского течения в российской исторической мысли потребовало широкого использования сравнительно-исторического и системно-структурного методов историографического анализа.

Понятийный аппарат. Важнейшими для данной темы являются понятия "неокантианская методология истории" и "историческая мысль в России".

Понятие "неокантианская методология истории" означает учение о методах и принципах исторического познания, созданное в немецкой школе неокантианства (В. Виндельбанд, Г.Риккерт, М. Вебер) и получившее своеобразное развитие в российской историографии конца XIX – начала XX вв., когда именно историки-неокантианцы стали ведущими специалистами отечественной методологии истории как самостоятельной научной дисциплины.

Понятие "методология истории" употребляется как синоним понятия "методология исторической науки". Оно обозначается соответственно тому, как оно историографически присутствовало в конце XIX – начале XX вв. в работах рассматриваемых историков, философов и обществоведов.

Понятие "историческая мысль" представляется более уместным для рассматриваемой темы в отличие от понятий "историческая наука в России" или "российская историография", хотя последние также присутствуют там, где это диктуется логикой и материалом исследования. Понятие "историческая мысль" охватывает более широкий аспект исторического знания и полагает анализ методологических взглядов не только историков, но и философов, социологов, правоведов, экономистов, которые в основном обращались к сугубо теоретическому осмыслению истории и при этом нередко обогащали историческое знание новыми теоретико-методологическими идеями и методами познания. Тем самым они сыграли важную роль в развитии отечественной методологии истории, в том числе и неокантианского толка.

Кроме вышеназванных понятий, ключевое место в работе занимали такие понятия, как "законы истории", "аксиологический подход", "трансцендентализм", "идиографическая" и "номотетическая" точки зрения, "индивидуализирующий" и "гене-

рализирующий" методы исследования и другие, которые достаточно разработаны в отечественном науковедении.

Источники. Поставленные цель, задачи и проблематика диссертационного исследования обусловили круг его источников.

Работа, посвященная анализу тенденций развития неокантианского течения в российской исторической мысли, основана прежде всего, на опубликованных трудах, курсах лекций, рецензиях отечественных историков, философов и обществоведов.

В диссертации анализируются произведения таких российских историков как К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.М. Бубнов, В.П. Бузескул, С.Н. Валк, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, И.М. Гревс, А.К. Джигелегов, М.А. Дьяконов, Н.И. Кареев, А.А. Кизеветтер, В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский, А.С. Лаппо-Данилевский, П.Н. Милюков, Д.М. Петрушевский, С.Ф. Платонов, М.Н. Покровский, А.Я. Пресняков, Б.А. Романов, Н.А. Рожков, Е.В. Тарле, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов, Е.Н. Щепкин, в которых либо нашли дальнейшее развитие идеи неокантианской методологии истории, либо эти идеи вызвали своеобразное критическое осмысление.

Поскольку на становление и развитие отечественной неокантианской историографии существенное влияние оказала российская философская и социологическая мысль, в диссертации широко используются труды Ю.И. Айхенвальда, С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, А.А. Богданова, Н. Богдашевского, С.Н. Булгакова, А.И. Введенского, С.С. Гессена, Н.Я. Грота, М.Н. Каринского, Б.А. Кистяковского, А.А. Козлова, И.И. Лапшина, П.И. Новгородцева, Г.В. Плеханова, М.М. Рубинштейна, П.Б. Струве, С.Н. Трубецкого, М.И. Туган-Барановского, С.Л. Франка, Г.И. Челпанова, Г. Шпета.

Для осмысления взаимовлияния западно-европейской и российской философии и историографии и выявления особенностей российского неокантианства важнейшими источниками выступали сочинения И. Канта, немецких неокантианцев В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Вебера. В диссертации также используются произведения таких зарубежных философов и историков как Э. Бернштейн, Г. Гегель, В. Дильтей, В. Вундт, Г. Зиммель, О. Конт, А. Ксенополь, Ф. Ланге, О. Либман, К. Маркс, И. Фихте, К. Фишер, К. Форлендер, Ф. Шеллинг, Р. Штаммлер, Ф. Энгельс.

Для анализа рассматриваемой темы автор опирался на отечественную научную литературу, в которой специально ставились и исследовались проблемы методологии исторического познания, и на работы, посвященные "историографической ситуации" в России в конце XIX – начале XX вв. В этой связи следует отметить особую ценность исследований А.И. Алаторцевой, В.Ф. Асмуса, К.С. Бакрадзе, М.А. Барга, А.С. Богомоллова, О.Л. Вайнштейна, М.Г. Вандалковской, Е.И. Водзинского, И.А. Голосенко, А.Я. Гуревича, Е.В. Гутновой, А.И. Данилова, В.А. Дунаевского, В.П. Золотарева, В.Т. Зонова, В.В. Иванова, Г.М. Иванова, Р.А. Киреевой, А.И. Клибанова, И.Д. Ковальченко, И.С. Кона, Б.Г. Могильницкого, О.М. Медушевской, Г.П. Мягкова, М.В. Нечкиной, А.И. Неусыхина, А.Н. Нечухрина, А.И. Патрушева, С.П. Рамазанова, М.Ф. Румянцевой, В.И. Салова, А.А. Сальниковой, Н.И. Смоленского, Б.Г. Софронова, Л.И. Филиппова, Л.Н. Хмылева, А.Н. Цамугали, Е.И. Чапкевича, Л.В. Черепнина, А.Л. Шапиро, И.И. Шарифжанова, А.Е. Шикло, А.С. Шофмана.

При написании диссертации привлекались отдельные материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), архива Санкт-Петербургского отделения института российской истории РАН, архива Московского госу-

дарственного университета и Национального архива Республики Татарстан, характеризующие научно-исследовательскую и педагогическую деятельность российских историков-неокантианцев, отзывы специалистов на их труды при защите диссертации и представлений на звания.

Ценным источником явилась российская периодическая печать конца XIX – начала XX вв.: "Вопросы философии и психологии", "Вестник Европы", "Журнал Министерства Народного Просвещения", "Голос минувшего", "Историческое обозрение", "Русская мысль", "Образование", "Логос", "Русский исторический журнал" и др. На страницах этих изданий печатались статьи, рецензии, обзоры литературы как представителей неокантианских школ, так и других течений и направлений философской, исторической, социально-правовой, этической мысли.

Этот вид источников обладает рядом существенных преимуществ. Он многогранен, оперативен, хорошо сохранен, более непосредственно и наглядно отражает развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв.

В своей совокупности привлеченные для настоящего исследования источники и научная литература позволяют, на наш взгляд, решить поставленные выше задачи.

Степень изученности темы. Неокантианская методология истории, ее российский вариант и воззрения европейских и российских представителей неокантианского течения были и остаются предметом исследований отечественных философов, историков, социологов.

Дореволюционные российские ученые почти не оставили работ, которые содержали бы обстоятельный анализ неокантианского течения в российской историографии. В печати появлялись лишь отклики на формировавшееся на глазах неокантианское движение, рецензии на отдельные работы и небольшие

обзоры исторической литературы. Они представляют интерес как ценный историографический факт непосредственного отражения в историко-философской литературе процесса возникновения и развития "нового" методологического течения.

В советский период тема "неокантианская методология истории" стала объектом большого количества исследований, отличавшихся по своей проблематике, по степени идеологизированности рассматриваемых персоналий, по комплексности анализа, по хронологическим рамкам публикаций и т.д. При этом определяющими были оценочные характеристики неокантианской философии и методологии истории. Исходя главным образом из ленинских реплик о «вздорности» неокантианства и его немарксистской сущности, эти оценочные характеристики в подавляющем большинстве были негативными. В прямой зависимости от этого рассматривались труды и взгляды российских представителей неокантианства, а также место, роль и значение неокантианской методологии истории в развитии исторической мысли в России.

Философская и методологическая концепция баденской школы неокантианства была представлена в трудах В.Ф. Асмуса, К.С. Бакрадзе, М.А. Барга, А.С. Богомолова, О.Л. Вайнштейна, А.И. Данилова, В.В. Иванова, И.С. Кона, А.И. Неусыхина, А.И. Патрушева, С.П. Рамазанова, В.И. Салова, Н.И. Смоленского, Л.Н. Хмылева. Эти авторы подчеркивали основные черты теории и методологии истории неокантианства, связанные с противопоставлением метода естественных и исторических наук, отрицанием внутренней обусловленности и закономерности исторического развития, классификаций движущих сил этого развития за рамками общественных отношений, упреждением возможностей объективного, адекватного познания прошлого, аксиологичностью отбора и интерпретации исторических фактов. Утверждалось, что данная методология страда-

ла агностицизмом, релятивизмом и субъективным идеализмом. Радикально критический подход видных советских философов и историков акцентировал внимание на «слабых» сторонах учения баденцев, недостаточно выясняя научные заслуги и позитивные черты методологии истории неокантианства.

На наш взгляд, в неокантианском движении представлены важнейшие аспекты развития философии И. Канта в новых социально-исторических условиях. Непредвзятый анализ основных черт неокантианской методологии истории позволит раскрыть основные тенденции в интерпретации И. Канта, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Вебера в России и показать, какие элементы и стороны неокантианской гносеологии приобрели для ее российских истолкователей особое значение.

По проблеме "неокантианство в России" специальных исследований в отечественной науке относительно немного.

Из философской литературы необходимо выделить исследование Е.И. Водзинского и Л.И. Филиппова⁵. В этих работах дан анализ общего и особенного в воззрениях русских неокантианцев А. Введенского, И. Лапшина, А. Белого. Научно значимым представляется коллективный труд отечественных философов "Кант и философия в России" (М., 1994). Как отмечали редакторы этого издания З.А. Каменский и В.А. Жучков, "основная часть книги посвящена анализу влияния Канта на русскую мысль в конце XIX – начале XX вв., поскольку именно этот период в истории русской философии остается и по сей день наименее изученным, крайне неадекватно освещенным и

⁵ См.: Водзинский Е.И. Русское неокантианство конца XIX – начала XX вв. Л., 1966; Филиппов Л.И. Неокантианство в России // Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции. М., 1978. С. 286–316.

идеологически тенденциозно осмысленным"⁶. Стремясь внести свой вклад в переосмысление заявленной темы, авторы книги исследуют специфику восприятия и развития кантианских идей в философском наследии М. Бакунина, В. Соловьева, Н. Лосского, Е. Трубецкого, П. Флоренского. Для нашего исследования особый интерес представляют статьи С.А. Чернова, в которой дан обзор материалов о кантианстве в журнале "Вопросы философии и психологии"⁷, и А.И. Абрамова о русском неокантианстве по публикациям журнала "Логос"⁸.

Влияние неокантианства на социологическую мысль России исследовано И.А. Голосенко⁹. Рассматривая социологические воззрения А.С. Лаппо-Данилевского, Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, В.М. Хвостова и Л.И. Петражицкого, он пришел к выводу, что на рубеже XIX – XX вв., когда позитивистская социология переживала глубокие теоретические трудности, возможность их преодоления предложило неокантианство, влияние которого в России было весьма широким.

Отдельные аспекты неокантианского течения в российской историографии конца XIX – начала XX вв. рассматривались в монографиях, статьях, диссертациях Л.Н. Хмылева и С.П. Рамазанова. Л.Н. Хмылев убедительно показал, что именно в

⁶ Кант и философия в России. М., 1994. С.3.

⁷ Чернов С.А. Критицизм и мистика (Обзор кантианства в журнале "Вопросы философии и психологии") // Кант и философия в России. М., 1994. С. 114-150.

⁸ Абрамов А.И. О русском кантианстве и неокантианстве в журнале "Логос" // Кант и философия в России. М., 1994. С. 227-247.

⁹ Голосенко И.А. 1) Социологические воззрения русского неокантианства // Социологическая мысль в России. Л., 1978. С. 255-282; 2) Неокантианские идеи в буржуазной социологии России // Философские науки. 1979. №2. С. 62-67.

рамках неокантианского течения методология истории была развита до уровня специальной дисциплины¹⁰.

Неокантианское течение в исторической мысли России С.П. Рамазанов в своих работах¹¹ рассматривает в связи с исследованием сущности и этапов кризиса исторической науки в России в начале XX века. В его интерпретации возникновение методологического кризиса в отечественной исторической науке началось с утверждения "ведущей роли неокантианского течения в русской историографии с середины 900-х гг."¹².

Место неокантианского движения в России также получило определенную оценку в фундаментальном коллективном труде "Очерки истории, исторической науки в СССР"¹³. Этапной для изучения русского неокантианства стала статья И.Д. Ковальченко и А.Е. Шикло "Кризис русской буржуазной позитивизму и ставилась задача всестороннего, конкретного анализа исторической науки в конце XIX – начале XX вв.: итоги и задачи изучения". В ней отмечалось, что в отечественной исторической литературе отсутствует ясное представление о роли наи-

¹⁰ См. также об этом: Хмылев Л.Н. 1) Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. Томск, 1978; 2) Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX вв. Автореферат дисс. на соиск. ученой степени доктора исторических наук. Л., 1985. С. 21–23.

¹¹ Рамазанов С.П. Методологический кризис в российской историографии начала XX века: Сущность и основные этапы. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора исторических наук. Томск, 1995. С. 19–20. 2) Кризис в Российской историографии начала XX века. В 2 частях. Часть 1. Волгоград, 1999. С. 40–112.

¹² См., например: Рамазанов С.П. Методологический кризис в российской историографии начала XX века... С. 19.

¹³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т.3. М., 1963. С.266-267, 284, 336-337, 392-393; 576-577.

более влиятельного в рассматриваемый период философского течения неокантианства, пришедшего на смену классическому теоретико-методологическим концепциям неокантианского и других течений и направлений в российской мысли¹⁴.

Более обстоятельно в отечественной научной литературе исследовано творческое наследие отдельных представителей российского неокантианского течения. Особый интерес в последние десятилетия вызвали теоретико-методологические и источниковедческие труды А.С. Лаппо-Данилевского. Среди многочисленных монографий, диссертаций, статей, посвященных отдельным сторонам научной деятельности этого выдающегося российского ученого необходимо выделить исследования Р.А. Киреевой, А.И. Клибанова, О.М. Медушевской, Б.Г. Могильницкого, А.Н. Нечухрина, С.П. Рамазанова, М.Ф. Румянцевой, Л.Н. Хмылева, А.Н. Цамутали, Л.В. Черепнина.

Достаточно обширна литература о методологических и исторических взглядах Д.М. Петрушевского (работы А.Я. Гуревича, А.И. Данилова, Е.А. Косминского, Б.Г. Могильницкого, А.И. Неусыхина, С.П. Рамазанова, Л.Н. Хмылева и др.).

Имеется ряд специальных публикаций о В.М. Хвостове (И.А. Голосенко, С.П. Рамазанов), М.М. Хвостове (Ю.Л. Бессмертный, К.В. Хвостова, И.Н. Матвеева, А.С. Шофман), Н.М. Бубнове (С.П. Рамазанов).

Эти труды дают представление о теоретико-методологических воззрениях отдельных историков-неокантианцев, выявляют характер и тенденции их эволюции, анализируют концепции рассматриваемых ученых в свете исследования различных проблем методологии истории, историографии и источниковедения. Но не со всеми оценками отечественных историографов

¹⁴ Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX - начале XX века. итоги и задачи изучения // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 25, 30-31.

теоретико-методологических воззрений представителей неокантианства можно согласиться. Серьезной научной задачей остается систематизация отдельных исследователей по научным направлениям, течениям и школам¹⁵. До сих пор недостаточно изучен вопрос, в какой мере оригинальны методологические поиски российских историков-неокантианцев, какова дальнейшая судьба их концепций, слабо исследовано влияние методологии неокантианства на конкретно-историческую практику отечественных ученых.

Рассмотрение российского неокантианства с точки зрения исчезновения в нем прогрессивных элементов, которые отечественная историческая наука имела в XIX столетии, на наш взгляд, неправомерно. Это не объясняет причины роста интереса к неокантианству (в условиях методологического кризиса позитивистской парадигмы) большой группы российских ученых начала XX века, особую популярность неокантианства в общественных науках в XX веке, значение неокантианской методологии истории в развитии исторической мысли.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной науке российское неокантианство как течение исторической мысли конца XIX – начала XX вв. выступает в качестве предмета специального и комплексного монографического изучения.

В диссертации проведен всесторонний анализ научной отечественной литературы по изучаемой теме, который позволяет судить о степени ее разработанности, определить основные дискуссионные вопросы и существующие в российской

¹⁵ См. об этом: Цамутали А.Н. 1) Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; 2) Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; Мягков Г.П. Русская историческая школа: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988.

историографии оценки проблемы. Предлагается новый подход к пониманию роли и значения неокантианской методологии истории в развитии исторической мысли в России. Как известно, в научной литературе роль и значение неокантианской методологии в большинстве случаев оценивались негативно, как свидетельство возникновения «кризиса в русской историографии». В диссертации подчеркивается, что неокантианская методологическая концепция не только внесла значительный вклад в становление отечественной методологии истории как специальной дисциплины, но и плодотворно развивала этот ведущий компонент исторической науки, постановкой новых проблем стимулировала поиск и разработку новых теоретических подходов и, следовательно, сыграла важную роль в поступательном движении российской историографии в начале XX века. В данном исследовании неокантианское течение в российской исторической мысли рассмотрено как значимая составная часть отечественной общенаучной мысли. В результате анализа концептуальной сущности неокантианской философии более аргументировано, по сравнению с имеющимися отдельными исследованиями, устанавливается общее и особенное в немецкой и российской неокантианской методологии истории. При этом внимание сосредотачивается на специфике российского неокантианства, что позволяет предметно определить его как особый и оригинальный этап эволюции этого философского учения в целом.

Впервые предметом специального исследования стал сам процесс возникновения, становления и развития неокантианского течения в российской исторической мысли, что позволило выявить системообразующие элементы неокантианской методологической парадигмы и причины укрепления ее позиций в отечественной историографии начала XX века. Автор прослеживает также влияние теоретико-методологических установок

на исследовательскую практику российских историков-неокантианцев.

Практическая значимость работы заключается в том, что в ней представлена целостная картина эволюции одного из ведущих методологических течений отечественной исторической мысли, что существенно дополняет и обновляет представления по истории исторической науки конца XIX – начала XX вв. Материалы исследования могут быть использованы для разработки лекций и учебных пособий по российской историографии, при создании обобщающих коллективных трудов по проблемам теории и методологии истории, историографии и источниковедению.

Результаты исследования используются автором в учебном процессе при чтении лекционных курсов по методологии истории и историографии российской истории. Предложенные в диссертации оценки неокантианской методологии истории и ее роли в развитии исторической мысли в России во многом отличны от сложившихся в отечественной историографии. Они могут способствовать пересмотру прежних стереотипов и новому пониманию историографической ситуации в России в конце XIX – начале XX вв.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, которое состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Список включает 516 названий источников и научных трудов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обозначается актуальность темы, определяются цель и задачи исследования, характеризуются источники работы, анализируется историография проблемы, выявляются

научная новизна и практическая значимость диссертации, обосновываются хронологические рамки, основные методологические принципы и понятийный аппарат.

В первой главе **"ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ НЕОКАНТИАНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ"** дается анализ системообразующих элементов немецкой школы неокантианства.

Среди ее представителей рассматриваются В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер. Автор не претендовал на всесторонний анализ их взглядов, они характеризуются с точки зрения особенностей немецкого неокантианства и влияния на российскую философскую и историческую мысль.

Одну из своеобразных попыток дальнейшего развития и преобразования трансцендентальной философии И. Канта представляла собой Баденская (или другое название Фрейбургская) школа неокантианства. Ее основная проблематика была связана с вопросами о возможностях, логике и границах исторического познания. Эта школа предложила собственную классификацию наук, в связи с которой создала определенную методологию истории. В. Виндельбанд и Г. Риккерт основывали свою теорию познания на критике теории отражения, считая, что истинность наших представлений вовсе не является собой картину независимого от познающего субъекта объективного бытия. Они ставили под сомнения познаваемость действительности, так как средства научного познания недостаточны и никогда не будут достаточны для того, чтобы воспроизвести в необходимой и обязательной для всех форме картину мира.

Согласно баденцам предметом познание является не действительность, а лишь определенные правила соединения между собой представлений. При этом в качестве главного критерия называлась истина как высшая ценность. Высшие ценности -- истина, благо, красота и святость являются надвременными,

внеисторическими принципами, определяющими общий характер человеческой деятельности. Эти ценности осознаются как нормы безусловного долженствования. Но не ценность или долженствование обуславливают истину, наоборот, **истинность** суждений имеет для нас **ценность**. Теория познания прокладывает путь к миру ценностей, а для того, чтобы вскрыть все многообразие ценностей, теория познания должна обратиться к **исторической науке**, которая изучает культуру как действительность, выявляя ее богатство и многообразие.

В. Виндельбанд историю рассматривал как процесс осознания и воплощения ценностей и потому считал, что особое значение имеет вопрос о специфике исторических наук и, главное их метода. Исторические науки, в терминологии В. Виндельбанда, науки "идиографические", рассматривают действительность с точки зрения **единичного** в его неповторимости, а следовательно их метод – индивидуализирующий. Напротив, естественные науки, которые он именовал "номотетическими", рассматривают действительность с точки зрения **всегообщего**, неизменного, закономерного, а следовательно их метод – генерализирующий. Первые – науки о событиях, вторые – науки о законах.

На этих положениях в отечественной философско-исторической литературе концентрировалась оценка взглядов В. Виндельбанда на классификацию наук. Вместе с тем, немецкий философ не раз подчеркивал, что эта методическая противоположность классифицирует только приемы познания, а не его содержание. Возможно, что один и тот же предмет служит одновременно объектом как номотетического, так и идиографического исследования. Дело в том, что противоположность между неизменным и единожды свершившимся, по В. Виндельбанду, относительна. Различие между ними начинается там, где речь идет о познавательном использовании фактов. В естествознании мышление стремится перейти от установления частного к пониманию общего, в истории оно останавливается на тщательном выяснении частного.

Г. Риккерт исходил из принципов, выдвинутых В. Виндельбаном. Чтобы выяснить сущность и ценность исторических наук, он приступил к исследованию границ естествознания.

По Г. Риккерт, метод естествознания – метод образования общих понятий. Понятия, полученные методом естественных наук отличаются от эмпирической действительности, так как, чем дальше идет такое образование понятий, тем дальше отходит естествознание от действительности, ибо эмпирическая действительность только единична, в ней нет ничего общего, она существует только как совокупность единичных явлений. Индивидуальное, единичное во всем своем своеобразии, считал Г. Риккерт, и составляет предмет истории как науки, которая начинается там, где прекращается естествознание. Основное различие в методах этих наук необходимо видеть в том, что "делают различные понятия с действительностью: ищут ли общее и во всех отношениях недействительное или индивидуальное в действительности". Отсюда по Г.Риккерт - у естествознания – одна задача, у истории -- вторая.

Г. Риккерт, как и В. Виндельбанд, не проводил, тем не менее, непреодолимой границы между генерализацией и индивидуализацией. Он специально подчеркивал, что не следует думать, что естествознание имеет дело только с материальным, физическим, а история – с психическим. Физическое и психическое представляют собой одну эмпирическую действительностью. Психическое, как данная непосредственная действительность, обрабатывается также генерализирующим методом естествознания. И наоборот, физическое может стать предметом исторического рассмотрения. Г. Риккерт полагал, что с этой точки зрения и к биологии, химии, физике может быть применен исторический метод.

В научном познании, подчеркивал немецкий ученый, применяются не только либо генерализирующий, либо индивидуализирующий методы, а науки занимаются исследованием либо объектов природы, либо объектов культуры, которые могут изучаться или генерализирующим, или индивидуализирующим

способом. Вполне возможно их комбинирование. Исходным пунктом для генерализирующей науки служат индивидуальные факты, в свою очередь индивидуализирующий метод нуждается в общих понятиях, как обходных путях для изображения и связи объектов между собой.

По мнению Г. Риккерта, наряду с генерализирующими науками о природе существуют научные дисциплины, рассматривающие объекты природы индивидуализирующим способом через косвенное отнесение к ценностям (теология, география и т.д.). И, напротив, явления культуры можно рассматривать генерализирующим способом (юриспруденция, языковедение и т.д.). И все же для баденцев важнейшим было обоснование специфики исторического познания, утверждение, что история не создает общих понятий, не стремится к закону и может быть названа лишь индивидуализирующей наукой.

Логическим продолжением и развитием философской концепции баденской школы неокантианства явилось методологическое учение Макса Вебера, крупнейшего немецкого историка, социолога, экономиста, который разработал для исторического (и в целом для гуманитарного) познания теорию "идеального типа". Вследствие того, что в истории имеется не только единичное, индивидуальное, неповторимое, но и относительно всеобщее, М. Вебер считал, что один индивидуализирующий метод недостаточен. Одновременно он резонно полагал, что абстрактные модели и категории нельзя смешивать с реальностью, а конкретно-исторические явления подгонять в качестве видового экземпляра под всеобщую схему.

При помощи "идеального типа" М. Вебер попытался решить ту методологическую проблему, которая являлась центральной для исторического познания: соотнести индивидуальный, неповторимый характер исторических явлений с возможностью их объяснения и научного понимания, выраженного в общих понятиях. Идеально-типическое понятие М. Вебера — это средство для внесения правильного суждения о каузальном сведении элементов действительности. Идеальный тип — не "гипотеза", он указывает, в каком направлении должно идти

образование гипотез. Он не дает и изображения действительности, а представляет для этого однозначные средства выражения.

М. Вебер разработал метод исторической типологизации, который, по его мнению, хотя и абстрагирует индивидуальные особенности от конкретных сторон жизни, но не элиминирует их абсолютно. Идеальный тип извлекается из самой реальной действительности и служит для упорядочения множества реальных явлений на основе выделения их существенных аспектов и соединения последних в единый мыслительный образ.

Во второй главе **"ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕОКАНТИАНСТВА В РОССИИ"** рассматривается важный и дискуссионный в отечественной научной литературе вопрос о начале неокантианского движения в российской исторической мысли.

Традиционным является положение об утверждении неокантианства в отечественной историографии одновременно с началом ее методологического кризиса после революции 1905-1907 гг. Но в этом случае неокантианство рассматривается как уже сложившееся течение, так как констатируется его ведущая роль в методологических дискуссиях в российской историографии. В таком случае встает вопрос о времени возникновения неокантианства в российской исторической мысли.

В работе предметно показывается, что это явление следует датировать рубежом XIX – XX вв.

Возникновение неокантианского течения было обусловлено как внутренними тенденциями развития исторической мысли в России, так и особенностями социально-экономического и политического строя российской империи.

Неокантианское движение на Западе под лозунгом "Назад к Канту" совпало с возрастанием интереса к учению И.Канта в России. За десятилетие 1891-1900 гг. работ Канта было опубликовано столько же, сколько за предыдущие 90 лет.

В 1886 г. в Киеве вышел первый русский философский журнал неокантианского направления "Философский трехмесячник", издателем которого был А.А. Козлов.

В 90-х годах в России складывается научное направление, получившее название "академическое неокантианство" (А.И.Введенский, И.И.Лапшин и др.), центром которого стал Петербургский университет. В 1893 г. "Вестник Европы" прозорливо замечал, что в "Петербургском университете, по видимому привьется критическая философия, признающая своим родоначальником И.Канта" (1883. - №2. С.889).

В 90-е гг. XIX в. в России начали издаваться труды немецких неокантианцев, в том числе В.Виндельбанда и Г.Риккерта, которые стали важным историографическим фактом – проводником идей неокантианской методологии истории. Важную роль в возникновении неокантианского течения в России сыграл журнал Московского психологического общества "Вопросы философии и психологии". Хотя на его страницах печатались представители различных теоретико-методологических ориентаций, в конце XIX – начале XX вв. кантианская проблематика становилась все более определяющей. В это же время сторонниками неокантианства становятся виднейшие российские идеологи либерализма П.Струве, Н.Бердяев, С.Булгаков, М. Туган-Барановский. Антипозитивистская реакция и начавшееся по-неокантиански перевооружение науки наглядно проявилось в сборнике научных статей "Проблемы идеализма", вышедшего из печати в 1902 г. в Москве.

В диссертации обстоятельно анализируются статьи П.И. Новгородцева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Б.А. Кистяковского. Особое внимание уделяется объемной статье А.С. Лаппо-Данилевского "Основные принципы социологической доктрины О. Конта". Следует признать, что критический этюд А.С. Лаппо-Данилевского был очень глубоким научным исследованием. В нем вскрывалась необоснованность, противоречивость и непоследовательность многих идей О.Конта, и тем не менее, была признана важность тех

проблем, которые Кант поставил при попытке постронть логику отдельных наук.

В работе доказывается, что в этой статье А.С.Лаппо-Данилевский весьма определенно выступил как единомышленник неокантианского учения.

На наш взгляд, А.С.Лаппо-Данилевский начинает эволюционировать к неокантианству в 1890-х гг. Кантианские позиции прослеживаются уже в речи перед магистерским диспутом по его диссертации "Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований" (1890 г.), во многих положениях его программы для средней школы "Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества" (1900 г.). Статья 1902 г. предметно показывает, что А.С.Лаппо-Данилевский переходит на позиции неокантианства.

Зародившись в 90-х годах XIX в. и будучи уже признанным в начале 1900-х гг., российское неокантианство определенно заявило о себе в 1902 г. в "Проблемах идеализма". Важной вехой в неокантианском движении следует считать 1904 г., когда в России широко отмечалась столетняя годовщина со дня смерти И.Канта.

Внутренние тенденции развития исторической мысли, под воздействием общефилософских концепций конца XIX – начала XX вв. и социально-политической обстановки того времени, наряду с активизацией деятельности самих неокантианцев обусловили пик русского кантианства в 1900-1917 гг.

В третьей главе **"РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕОКАНТИАНСТВА В РОССИИ: "МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ" А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО"** дается детальный анализ фундаментального методологического труда видного российского историка А.С.Лаппо-Данилевского – лидера неокантианского течения в отечественной исторической мысли.

В основе "Методологии истории" лежит неокантианское понимание теории исторического знания. Опираясь на учение И. Канта, которое помогло приподнять завесу над одним из самых загадочных познавательных процессов – образованием по-

нений. А.С.Лаппо-Данилевский оригинально и своеобразно развил ряд гносеологических положений и идей, выдвинутых в трудах немецких неокантианцев. Как и Кант, строивший свое учение на антитезе "чистого" и "практического" разума, выяснявшего границы чувственности и рассудка, как В.Виндельбанд и Г.Риккерт, противопоставлявшие науки о природе и науки о культуре и выяснявшие границы естественно-научного образования понятий, А.С.Лаппо-Данилевский также построил свой труд на антитезе.

Но если его единомышленники логически (формально) противопоставляли естественные и исторические науки (по их методу), то А.С.Лаппо-Данилевский, продолжая эту линию, перенес центр тяжести непосредственно на историческое познание и построил свой труд на антитезе и границах номотетического и идиографического методов в историческом исследовании.

Стремление к максимальной конкретности анализа и текстологической подтвержденности общих выводов и оценок потребовало почти постраничного следования за размышлениями А.С.Лаппо-Данилевского по методологической проблематике исторической науки.

"Методология истории" А.С.Лаппо-Данилевского имела недостатки неокантианского абсолютно-нормативного ценностного отношения к истории и историческому познанию, однако нельзя не признать научную значимость этого труда, глубокую продуманность, обоснованность авторских формулировок, последовательность, логичность и доказательность взглядов ученого по сложным понятийным вопросам.

Сохранив приверженность основополагающим постулатам неокантианства, таким как примат исторического разума в противовес односторонности естественно-научного подхода, отрицание возможности установления законов в истории, деление наук с точки зрения познавательных приемов, учение о ценностях, имеющих трансцендентальный смысл, А.С.Лаппо-Данилевский обогатил научный опыт школы самостоятельными суждениями по этим и другим методологическим пробле-

мам. Он масштабно и глубоко раскрыл свое понимание методологии истории как учения о принципах (основная задача) и методах исторического познания (производная), подчеркнул не только различие обобщающей и индивидуализирующей точек зрения, но также общие их черты, усмотрев последование в стремлении к систематическому единству научного знания; понятие об абсолютной ценности дополнил ценностью общепризнанной и понятием действенности исторического факта; ввел понимание исторического процесса как процесса, протекающего в психической среде взаимодействия человеческих индивидуальностей и социальных групп, а психологическое истолкование исторических явлений признал неотделимым от "нормативной оценки".

Методологический труд профессионального историка также выгодно отличался глубиной как общефилософского, так и специально-исторического анализа, соединял в себе лучшие достоинства и того и другого.

Уже первое издание "Методологии истории" (1910-1913 гг.) определило А.С.Лаппо-Данилевского не только лидером широко распространявшегося в России неокантианского течения, но и способствовало развитию исторической мысли на новом теоретико-методологическом уровне.

В четвертой главе **"НЕОКАНТИАНСКОЕ ТЕЧЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ"** всесторонне рассматриваются методологические воззрения А.С.Лаппо-Данилевского, В.М.Хвостова, Н.М.Бубнова, М.М.Хвостова. Выявляются как общие черты теоретико-методологических концепций этих ученых, так и некоторые особенности их взглядов.

Общей была не только методологическая проблематика, но и ее направленность на осмысление специфики истории как науки, ее понятий и метода. По мнению всех перечисленных выше ученых, история есть "проверенное и систематизированное знание", объединенная система понятий, охватывающая возможно большие данные нашего опыта, а ее основной задачей является не выведение каких-либо общих законов и не в созда-

нии широких схем, в которые укладывалась бы жизнь, протекавшая в разных местах земного шара в различные моменты времени, но в исследовании отдельных неповторяющихся событий и состояний в их индивидуальном виде, со всеми теми чертами, особенностями, которые отличают их друг от друга, как бы они не были в остальном сходны между собой.

Российские историки – неокантианцы также единодушно утверждали, что "история изучает общественные явления индивидуализирующим методом".

М.М. Хвостов в то же время считал, что и истории необходима система общих понятий, разработанная на основе эмпирического исторического материала. Вслед за А.С. Лаппо-Данилевским, М.М. Хвостов добавлял, что истории приходится довольствоваться приблизительными обобщениями, что только такие обобщения, не имеющие безусловной значимости являются в исторической науке возможными.

Если А.С.Лаппо-Данилевский и В.М.Хвостов были сторонниками ценностного подхода в историческом исследовании, то М.М.Хвостов отрицал роль категории ценности в историческом познании и в вопросе о критерии отбора фактов шел за неокантианцем Э.Мейером.

Но и те российские историки-неокантианцы, которые были сторонниками ценностного подхода дополняли мир абсолютных ценностей миром ценностей общественных. Только та культурная ценность, которая оказывала реальное действие на развитие человеческого общества и имела ценные последствия, представляла для отечественных историков-неокантианцев научный интерес.

В диссертации рассматривается общее и особенное в трактовке А.С. Лаппо-Данилевским, В.М. Хвостовым, Н.М. Бубновым, М.М. Хвостовым соотношения истории и социологии, истории и психологии. "исторического факта" как специфического понятия научного познания.

В работе прослеживается воздействие неокантианства на конкретно-историческую практику рассматриваемых ученых. Изучение работ А.С. Лаппо-Данилевского "Очерк внутренней

политики императрицы Екатерины II". "Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты до эпохи преобразований", "Организация прямого обложения в Московском государстве", В.М.Хвостова "История римского права", М.М.Хвостова "История Греции", "История Рима" показало, что неокантианцы действительно решали задачи осмысления и обоснования значения конкретного индивида и его деятельности, особенностей общественного развития во времени и пространстве исторической уникальности отдельно взятой страны.

Но наряду с фактами "собственно историческими" и личностными, российские историки-неокантианцы одинаково внимательно изучали и анализировали факты экономические, социальные, политические, правовые. Об этом свидетельствуют тематика и содержание трудов А.С.Лаппо-Данилевского "Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в.", "Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России", "История крестьян на Западе" М.М.Хвостова и др.

Развитие традиций отечественной исторической науки и сопричастность новейшим для своего времени тенденциям развития исторической мысли в своей совокупности обусловили своеобразие российского неокантианского течения в историографии. Оно способствовало разработке актуальных теоретико-методологических проблем исторической науки в конце XIX - начале XX вв.

В пятой главе **"ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ НЕОКАНТИАНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-х ГГ."** прослеживается историографическая ситуация в России в условиях нового общественно-экономического и социально-политического строя, идейное утверждение которого требовало и исторического обоснования. Большинство российских историков-профессионалов отрицательно отнеслись к октябрьской революции 1917 г. и к установлению в России диктатуры пролетариата. Но многие, в том числе историки-неокантианцы

продолжали работу в научных и учебных заведениях. Не прекратилась и публикация их трудов. В 1918 г. в "Известиях Российской Академии Наук" выходит 2-е издание "Методологии истории" А.С.Лаппо-Данилевского, в 1919 г. переиздаются "Очерки по философии и методологии истории" В.М.Хвостова, а в 1920 г. публикуются его "Основы социологии".

В феврале 1919 г. скончался академик А.С.Лаппо-Данилевский, в 1920 г. М.М.Хвостов и В.М.Хвостов. Тем не менее, их научная жизнь продолжалась. В 1923 г. выходят из печати посмертные издания "Методологии истории" А.С.Лаппо-Данилевского и "Основы социологии" В.М.Хвостова. В начале 1920-х гг. публикуется и несколько работ М.Вебера. Неокантианская методологическая концепция оставалась существенным историографическим фактом. В этой связи в диссертации анализируется концептуальное содержание методологических дискуссий с неокантианством в отечественной исторической литературе 1920-х г.

Последовательным критиком неокантианской методологии в российской историографии в начале XX в. являлся Р.Ю.Виппер. Анализируя эволюцию в воззрениях ученого на неокантианскую методологию истории, что в систематизированном виде делается в отечественной историографии впервые, показывается, что в 1920-х гг. Р.Ю.Виппер меняет свое отношение к ряду ее кардинальных положений. В известной работе Р.Ю.Виппера "Кризис исторической науки", изданной в 1921 г. в Казани, ученый пересмотрел свои взгляды на задачи истории как науки. Кризис исторической науки в начале XX в. Р.Ю.Виппер усматривал в кризисе традиционного для российской историографии метода исследования, а его преодоление видел в коренном пересмотре гносеологических и онтологических оснований "исторического толкования". Р.Ю.Виппер писал, что от изучения состояний, жизни масс, о направлении интересов, необходимо перейти к познанию событий, роли личности, "сцеплению идей". По мнению российского историка – это наиболее верный путь, чтобы найти более прочные научные выводы, чтобы сделать более правильные научные заключения.

Как резонно отметил в своей рецензии на эту работу Р.Ю.Виппера Н.И.Кареев, кризис о котором писал автор произошёл скорее всего в его собственном мировоззрении, чем в самой исторической науке.

Осмыслив характер и причины значимых перемен в исторической науке, Р.Ю.Виппер признал определенную плодотворность индивидуализирующего метода в историческом познании, и тем самым обратился к тому комплексу проблем, которые волновали историческую мысль того времени.

Н.И. Кареев – ученый, который первым из российских историков создал обобщающую работу по философии и теории истории и значительно раньше неокантианцев стал выяснять особенности обобщения в историческом познании, имел свое отношение к немецкому и русскому неокантианству. Н.И. Кареев в отличие от баденцев не проводил резкой грани между естественными и историческими науками; он проводил методологическое разграничение между гуманитарными, общественными науками (по способам достижения истины), характерное для русского неокантианства. Н.И. Кареев был лояльным критиком неокантианства. В 1920 г. в "Русском историческом журнале", посвященном памяти А.С.Лаппо-Данилевского, он опубликовал ключевую статью методологической проблематики творчества ученого "Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского". Несмотря на заявления Н.И. Кареева, что по многим пунктам их взгляды не совпадали, он писал, что к критике неокантианства А.С. Лаппо-Данилевского "получились бы лишь поправки и разъяснения, а не опровержение"¹⁶.

Другие российские критики неокантианства также как Н.И. Кареев оппонировали В. Виндельбанду и Г. Риккерт, но специально подчеркивали специфику русского неокантианства. Об этом писали Н.Д. Кондратьева, В. Перцев, Ф. Софронов и другие.

¹⁶ Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн.6. С. 128.

Резко критически неокантианская методология была оценена марксистской историографией. М.Н. Покровский, С.О. Пиотровский, Ц.Н. Фридлянд и др. отвергли научное значение неокантианской методологии истории. Опираясь на философскую критику неокантианства Г.В. Плехановым и В.И. Лениным, советские марксисты определяли его неприемлемость за субъективный идеализм, агностицизм и иррационализм.

Особенно отчетливо это проявилось при обсуждении в социологической секции общества историков-марксистов в 1928 г. книги Д.М. Петрушевского "Очерки из экономической истории средневековой Европы".

В течение первой трети XX в. известный специалист по истории средневековой Англии Д.М. Петрушевский идейно-методологически прошел сложный путь эволюции к неокантианской методологии.

В начале XX в. он был одним из первых представителей антипозитивистского движения в российской историографии. В тот период он не менее критически относился к немецкому неокантианству.

Однако во втором десятилетии XX в. отношение Д.М. Петрушевского к неокантианской методологии истории изменилось. Осознание ученым сложности природы и специфики исторического познания, чему способствовала теория "идеальных типов" М. Вебера, обусловило переход Д.М. Петрушевского на неокантианские методологические позиции, о чем он заявил в предисловии к своей работе "Очерки из экономической истории средневековой Европы".

Здесь он дал высокую оценку трудов немецких неокантианцев В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Вебера. Д.М. Петрушевский признал правильность методологической обоснованности несовпадения целей и задач "наук о природе" и "наук о культуре", о необходимости разграничения исторических и социологических понятий, об аксиологической природе историографического знания".

Д.М. Петрушевский, как и А.С. Лаппо-Данилевский пришел к выводу, что не следует противопоставлять области исто-

рического и естественно-научного знания, но необходимо разграничить функции номотетического и идиографического методов. Но такое разграничение должно помочь каждой науке реализовать именно свои цели и задачи в целях единства научного знания.

Неокантианский поворот Д.М. Петрушевского был жестко осужден на диспуте по его книге историками-марксистами С.С. Кривцовым, Ц. Фридляндом, П.И. Кушнером, В.Д. Аптекарем. Только А.И. Неусыхин предложил строго научную, но не идеологическую оценку труда Д.М. Петрушевского. Но итог дискуссии был значительно идеологизирован. Неокантианство Д.М. Петрушевского было объявлено "последним варварским наступлением на марксизм со стороны модных западно-европейских философских школ и их русских учеников".

Подводя итоги дискуссии, Ц.Фридлянд заявил, что книга Д.М.Петрушевского – показатель научной реакции, против которой будет вестись упорная борьба.

Результатом этой борьбы стало вненаучное изгнание в конце 1920-х гг. неокантианской методологии из отечественной исторической мысли.

В заключении диссертации подведены основные итоги, сделаны выводы и обобщения.

Исследование неокантианского течения в исторической мысли России конца XIX – начала XX вв. представляет значительный научный интерес: оно дает возможность расширить и углубить наше знание об истории отечественной исторической науки начала XX в., установить общее и особенное в российской неокантианской методологии истории.

В конце XIX – начале XX вв. научное наследие И. Канта стало одним из самых популярных среди российских мыслителей, наиболее цитируемым и комментируемым, критикуемым и интерпретируемым, причем в трудах не только русских неокантианцев, но и представителей самых различных течений философской и исторической мысли. Столь активное пробуждение интереса к Канту в России было связано с несомненным ростом уровня философско-теоретической рефлексии, потребности в

более основательной разработке и глубоком осмыслении фундаментальных философских, мировоззренческих и исторических проблем. Эти глубинные процессы в российской исторической мысли во многом стимулировали стремление к уяснению своего самостоятельного места в неокантианстве, своей специфики, неповторимого своеобразия и предназначения в духовной культуре. Это вело к необходимости постоянного сопоставления, критического сопоставления собственных установок и идей с наследием классической современной западной философии, в составе которой И.Кант занимал прочное и почетное место, а с середины XIX в. вышел на первый план в различных неокантианских школах и в ряде других направлений философской, исторической, социально-правовой, эстетической мысли.

Прозвучавший на Западе призыв "назад к Канту" был услышан и в России. На опыте неокантианского течения в российской исторической мысли можно говорить об определенном параллелизме, синхронности, а так и развитии данной философской традиции в исторической науке. Общее содержание неокантианства, его доминирующие тенденции развития на Западе и в России характеризуются **глубокими, качественными различиями**, многими противоположностями и мировоззренческой оппозиционностью.

Восприняв ряд основных идей немецкой школы неокантианства на предмет, задачи и метод исторической науки, российские последователи И.Канта разработали **свое** понимание истории как науки.

Наиболее характерным для российского течения неокантианской методологии истории было следующее:

1. Опора на традиции отечественной философской и исторической мысли.
2. Понимание методологии истории как специальной научной дисциплины, изучающей и обосновывающей **принципы и методы исторического исследования.**

3. Отстаивание единства научного знания с учетом специфики исторического познания, которая связана с обоснованием точек зрения на идиографичность.
4. Выявление не только **различия** обобщающей и индивидуализирующей точек зрения, но и их общих черт.
5. Выдвижение субъекта познания в качестве активного творческого начала в процессе исторического познания.
6. Выявление двух типов ценностного подхода в историческом исследовании: отнесение исторических фактов, имеющих черты действительности и длительности к абсолютной и общепризнанной ценности.
7. Понимание исторического процесса как процесса взаимодействия человеческих индивидуальностей и социальных групп.
8. Психологическое обоснование исторических фактов, отягощенное нормативной оценкой.
9. Отказ от прямолинейного представления об общественном прогрессе и возможности установления законов истории.
10. Пристальное внимание к социально-экономической проблематике истории и роли государства в историческом процессе.

В России в рамках неокантианского течения методологические проблемы исторической науки разрабатывались историками, а на Западе это было делом преимущественно философов. Поэтому научно значимыми представляются попытки российских историков-неокантианцев реализовать свои методологические идеи в собственной практике конкретно-исторических исследований.

Соотнесение отечественными неокантианцами прежних методологических подходов российской исторической науки с новыми тенденциями в исторической мысли конца XIX — начала XX вв. создало своеобразный русский вариант неокантианской методологии истории, который знаменовал собой определенный этап в эволюции этого философского течения и способ-

ствовал повышению теоретического уровня исторической науки и ее статуса в начале XX века.

Содержание диссертации отражено в следующих опубликованных работах:

1. Сеницын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX -- начале XX вв. Казань, 1998. 161 с. (10 п.л.).
2. Сеницын О.В. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX -- начале XX вв.: неокантианское течение. Казань, 1990. -- 80 с. (5 п.л.)
3. Сеницын О.В. Эволюция идейно-методологических взглядов А.С.Лаппо-Данилевского. Казань, 1981. -- 28 с. (1,5 п.л.). Депонирована в ИНИОН РАН 6 мая 1981 г. - №7573.
4. Сеницын О.В. Некоторые направления теории истории в современной буржуазной историографии. Казань, 1982. -- 21 стр. (1 п.л.). Депонирована в ИНИОН РАН 10 августа 1982 г. - №10877.
5. Сеницын О.В. Неокантианская методология истории и русская буржуазная историография конца XIX -- начала XX вв.// Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984. -- с.169-170 (0,2 п.л.).
6. Сеницын О.В. "Социоистория" как концепция теории истории современной буржуазной историографии // Вопросы развития историографических исследований. Днепропетровск, 1985.- с.125 -- 126 (0,2 п.л.).
7. Сеницын О.В. Против искажения истории // Совет мэк-тэбе. 1986. №6. -- с.39-41 (0,3 п.л.).
8. Сеницын О.В. Формирование принципа историзма мышления у учащихся // Совет мэктэбе. 1986. - №10. -- с.33-35 (0,3 п.л.).
9. Сеницын О.В., Муньков Н.П. Методические рекомендации по историографии истории СССР. Казань, 1987. -- 16 стр. (1 п.л.).

10. Сеницын О.В. Проблема соотношения истории и теории в русской буржуазной неокантианской историографии. Казань, 1987. – 26 стр. (1,2 п.л.). Деп. в ИНИОН РАН 11 сентября 1987. - №31158.
11. Сеницын О.В. Неокантианская традиция в современной буржуазной историографии // Тезисы конференции молодых ученых исторического факультета КГУ. Казань, 1987. – с. 89–91 (0,3 п.л.).
12. Сеницын О.В. К вопросу о тенденциях и направлениях теории истории в современной буржуазной историографии // Исторические и историографические вопросы всеобщей истории. Томск, 1988. – с.154-162 (1 п.л.).
13. Сеницын О.В. История и публицистика: методологические аспекты их соотношения // Историк — художественная литература и публицистика. Орел, 1991. – с.85-87 (0,1 п.л.)
14. Сеницын О.В. О возникновении неокантианского течения в русской буржуазной историографии // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Калининград, 1991. – с.67-72 (1 п.л.).
15. Сеницын О.В. О преподавании методологии истории студентам исторического отделения // Проблемы внедрения результатов научных исследований в учебный процесс в вузе. Казань, 1991. – с.57-58 (0,1 п.л.).
16. Сеницын О.В. Особенности развития отечественной историографии начала XX века: вопросы теории и метода. // Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1993. – с.88-91 (0,5 п.л.).
17. Сеницын О.В., Мягков Г.П. О методических особенностях высшего исторического образования России XIX-XX вв. // Новое в содержании и организации высшего педагогического образования. Казань, 1994. – с.64-67 (0,3 п.л.).
18. Сеницын О.В. О ценностном подходе в гуманитарных исследованиях // Духовная культура: идеи, история, реальность. Казань, 1994. -- с.17-18 (0,1 п.л.).

19. Синицын О.В. Преподавание методологии истории в Казанском университете (начало XX в.). // Социально-историческое знание в Татарстане. Казань, 1995. – с.111-112 (0,1 п.л.).
20. Синицын О.В. Казанскому педагогическому университету – 120 лет: вехи истории // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. Казань, 1996. – с.3-7 (0,3 п.л.).
21. Синицын О.В. Проблемы методологии истории в российской либеральной историографии конца XIX – начала XX в. // История Отечества. Казань, 1998. – с. 9-13 (0,4 п.л.).
22. Синицын О.В. Основные компоненты вузовского курса по методологии истории в соответствии с новым образовательным стандартом // Инновационные образовательные технологии на рубеже XX – XXI веков. Казань, 1998 (0,2 п.л.).
23. Синицын О.В. Проблемы специфики исторического познания в российской историографии начала XX века // Проблемы философии истории. Казань, 1999. – С. 51-53 (0,2 п.л.).
24. Синицын О.В. Неокантианство в современной зарубежной историографии. // Clio Moderna. Зарубежная история и историография. Казань, 1999. – С.101-117 (1 п.л.).

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized cursive letters and a long horizontal stroke extending to the right.

Тир.100

Подписано к печати 15.02.2000

Зак.15-2000

Лаборатория офсетной печати Казгоспедуниверситета
420015 г.Казань, ул.Пушкина, 31.

2-00